

Крусс Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории права
Тверского государственного университета

Конституционная теория права на фоне дихотомии неизбывного

Не стреляют из чужого лука.
Копьеносец копыя не мечет.
Японские пословицы

Характеризуя современное состояние отечественной науки права, рискнем прибегнуть к метафоре Гомера, отмеченной интуицией единственного в противовес альтернативе безысходного. Речь идет о необходимости *утвердить* себя, дабы пройти, избегнув губительного крушения, к своему предназначению между Сциллой и Харибдой как воплощениями — в нашем сюжете — опустошающего «научно-юридического» молчания и оптимистично-притязательного «говорения».

В молчании Сциллы живет инерция юридического неопозитивизма, перманентно меняющего формы в ожидании властно-политической подсказки («отмашки»), когда (и что) можно начинать комментировать. Как если бы, например, наука права сама не могла — вследствие органической немощи или определенного для нее места — судить о значении достоверных ценностей¹, целей² либо о риторике модераторов «мирового порядка»³.

Вызовы Харибды видятся много более значительными. В «продуктивном» потоке цитирований одних и тех же авторов и корректоров «неустойчивой семантики» постмодернистского «дискурса и нарратива»⁴ проступает принципиальное согласие с универсально-космополитическим статусом права, обреченного служению западному цивилизационному выбору, а значит и с паллиативной ролью, отведенной, исходя из феноменологии этого выбора, российскому правоведению. И хотя проблематика поиска правовой идентичности может претавать «суверенной»⁵, актуальный социально-политический контекст («подсветка») всегда обнаруживает несостоятельности таких притязаний.

У каждого из проявлений «дихотомии неизбывного» есть свои локализованные «представительства». Молчание характеризует более ту сферу отечественной юридической науки, где она, фактически занимаясь вопросами общей теории права и государства, «вынуждена» ввиду номенклатурного распределения полномочий выступать под именем науки конституционного права. «Теснота» отраслевых рамок побуждает стремление их раздвинуть, в частности, эксклюзивно культивируя и «реабилитируя» локацию общего конституционного права⁶, к научным задачам которого относят прояснение сущности и понятийно-категориальное отображение базовых *правовых* явлений (включая их государственные и общественные формы), что традиционно соотносится с предметом теории права и государства. Тем самым подразумевается необходимость отказа от «параллельных» научных контекстов, с чем и связаны онтология и методологии конституционного правопонимания⁷.

На деле, однако, существующее положение дел оказывается первым пунктом неконструктивно-научного умолчания. Даже методологические концепты предельного уровня — познания реального конституционализма (универсума конституционно-правовой действительности) и практики

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2024). Далее — Указ № 809.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2024). Далее — Указ № 309.

³ См.: Путин назвал бредом предлагаемый Западом порядок, основанный на правилах. URL: <https://tass.ru/politika/15920971> (дата обращения 30.05.2024).

⁴ См.: Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность транзитного общества: дискурс и нарратив. Санкт-Петербург: Алетейя, 2024. С. 55–56.

⁵ См., например: Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010. 332 с.

⁶ См.: Конституционное право. Общая часть / под ред. Н. А. Богдановой, А. А. Троицкой: в 2 кн. Москва, 2022. 364 с.

⁷ См., в частности: Крусс В. И. Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15. № 2. С. 5–19.

системной конституционализации¹ — не претендуют на статус теории права и государства, что, по нашему убеждению, глубоко неверно. Научно-конституционное познание в обоих указанных направлениях невозможно помимо аксиоматики тождества понятий *конституционного права* и *права как оно есть*, без отсылок к гипотезе дуально-дуального единства науки конституционной и науки юридической, без акцента на легитимных положениях о смысловой континуальности Конституции Российской Федерации, раскрывающей себя в текстах (источниках) российского права. В особенности это очевидно для теоретических блоков аксиологии, телеологии и антропологии права.

Обычные контрдоводы о призвании науки конституционного права изучать общественные отношения, регулируемые «одноименной» отраслью, имеют смысл сугубо в позитивистско-аналитическом восприятии. Уделом коего остается релятивизм целей и ценностей, а значит — исключается имманентное идее права *должное*, ждущее отображения в научных категориях и понятиях *общего* уровня. Сложный предикат «общее конституционное» может означать только *всеобщее*, сущностно всеобъемлющее в том, что связано требованием легитимной нормативности и предполагает наличие эталона и критерия подлинной (истинной) общеобязательности. Всенародно принятая Конституция Российской Федерации недвусмысленно утверждает (ч. 1 ст. 15) *соответствующее* качество каждого из своих положений. Научное учение о *такой* Конституции может быть только общей теорией права и правовой государственности (конституционного властвования). Иначе придется признать, что за рамками конституционно-правовой реальности наличествуют номинально правовые элементы, отношения и — главное — доктрины, о конституционности (легитимности) которых правоведение ничего сказать не может. Такая рефлексия ведет к дискредитации всего научно-юридического замысла и противоречит легитимному (имманентному) образу права и правопорядка.

Позитивизм последовательно придерживается взгляда на Конституцию как Основной закон (все равно — октроированный или конвенциональный). И это *понятное* онтологическое умолчание. Сложнее с множественностью «вибраций и обертонов» постклассической методологии. Их объединяет стремление предупредить явление имманентно-легитимной юридической теории, какой, собственно, и предстает конституционная теория права и государства как теория «из Конституции», исключающая возможность (тем более — инвариантность) *внешней* доктринальной или коммуникативной «легитимации», в том числе в перспективе институционального смещения компонентов «правовой реальности». Конституционная онтология обусловлена уникальной *реальностью Конституции*. Ни феноменология, ни формальная генеалогия всецело эту реальность не отображают, и сущность Конституции не детерминируют, а социально-политические мутации — способны ее «только» погубить².

Конституционная теория права и государства не может отказаться от миссии консервативно-охранительного целеполагания. Ценности и цели стоят и в логико-временном соотношении, и в онтологическом родстве друг к другу. В конституционных реалиях они сугубо национальны (суверенны) и патриотичны, поэтому в России любое — «по умолчанию» либо «контекстуальное» — небрежение к аксиологии традиционных ценностей, «расползающейся» без признания определяющего значения веры в Бога, приоритета духовного над материальным и особой роли православия (ст. Конституции Российской Федерации; п. 5 Указа № 809), не позволяет связать правовое содействие реализации потенциала каждого человека с целями воспитания патриотичной и социально ответственной личности (п. 1 Указа № 309).

Научная «дискредитация» метафизического статуса (уровня, качества) права теряет доктринальную притязательность, как только доктринальный резонер обращается к проблематике неотчуждаемых прав и достоинства личности. Не «опираясь» последовательно на текст Конституции, он оказывается в тупике спекулятивных построений. Показательный пример — умозрительное форматирование на тему: «Право — это соразмерное сосуществование, регламентированное с помощью специальных процедур». Через лаг «игровой ситуации» оно ведет к экспозиции, в которой «согласие субъекта на вхождение в правовое поле служит той отправной точкой, с которой начинается раздвоенное бытие субъекта права»: метафизическое и юридическое. Причем

¹ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 34–39.

² Так, конституции коллективного Запада обнаруживают неспособность противостоять вызовам социальной энтропии XXI века, экспансии «новой этики» и трансгуманизма, которые и в России «трепетно ждут» теоретико-правового оправдания и поддержки. См., например: Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? Глобальный конфликт и контуры нового мира: XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 года. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2022. С. 65–71.

метафизический субъект «не способен жить в бессмысленном мире, вдали от тех ценностей, путь к которым и составляет содержание его метафизических размышлений»¹. Из чего вытекает предложение «отказаться от своей метафизической сущности, дабы избежать «диктата признания»². Как указание на неизбежную потерю человеком надежды на сохранение полноты свободы, достоинства, а возможно, и жизни в «бессмысленном» игровом — юридическом — пространстве. (Навязчивая аллюзия — одиозная «Игра в кальмара».)

Постклассика напрасно претендует на своеобразие «своей» познавательной парадигмы. Неопозитивизм есть такое же принципиальное отрицание метафизики, как философии духа, то есть провиденциального единства Бога и человека. Наука о праве причастна этому — смыслообразующему — единству и познавательному модусу в своем метафизическом (философском) измерении. А конституционная теория априори мыслит право на «границах» философии конституционализма (антропологии, аксиологии и телеологии). Кроме того, поскольку предположено национально-идентичное значение всех обретаемых и сопрягаемых на философском контуре истин, постольку исключается присущее новоевропейской метафизике «намерение человека положиться на им самим найденное и обеспеченное основание истины», которое возникает, «когда он освобождает себя от первоочередной обязанности библейско-христианской истины Откровения и церковного учения»³.

Европа XXI столетия официально отреклась от христианских корней. Новая этика, цифровое вменение, химеры трансгендерного самоопределения и трансгуманизма воплощают проект преобразования человека в особь — через транзитную стадию толерантной коммуникации обезличенных субъектов права. Россия заявила о приверженности традиционным духовно-нравственным ценностям на конституционном уровне, чем в конечном счете вызвала негодование исторических «оппонентов». Не замечать и не признавать этих обстоятельств в их связи с текущей глобальной конфронтацией, отечественная теория права также не может. Поскольку же такое имеет место быть, следует хотя бы признать метафизический характер требуемого подчинения. Да, особый и чужеродный, но метафизический, каким является стремление «европейского человека» «к новой свободе, как к уверенному в самом себе самозакондательству»⁴, чем, в свою очередь, обусловлена актуальность конституционной критики того «рационально-гуманистического» представления, что «метафизика есть антропоморфия — образование и созерцание мира по образу человека»⁵.

Постклассическая методология права не балует конкретикой своих выводов и новизной конструкций. И скорее, это во благо. Думается, например, не приведет к профессиональному астигматизму студентов-юристов различение понятий *правомерного* и *правового* и определение правового поведения как «упорядоченной совокупности социально значимых деяний индивида, обусловленных психическими, социальными и правовыми факторами, прежде всего правовым архетипом, и направленных на удовлетворение правовых потребностей (интересов и притязаний) с целью наступления социально полезного или допустимого результата»⁶. Однако их (студентов) вполне способно заинтересовать предложение поставить «допустимость» в зависимость от ценностных ориентаций каждого человека⁷. Тем более в пику «правоведению, излишне ратующему за суверенность своего знания и пытающемуся плодить самостоятельные сущности там, где их нет, преуспевающая в создании неких универсалий и придании им смысла действительного существования»⁸. Вполне «современно», крайне деструктивно и, скорее, все-таки безобидно.

Всерьез задуматься о неконформизме постклассической позиции побуждает ее готовность претендовать на значение *исповеди*⁹. В православной традиции исповедь — сокровенно-мистическое таинство. Секулярное западное просвещение не остановилось перед компрометацией и этого поня-

¹ См.: Пермяков Ю. Е. Юриспруденция как строгая наука // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов. Самара, 2010. С. 141; 146; 142.

² Там же. С. 141.

³ Хайдеггер М. Ницше и пустота Москва: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 186–187.

⁴ Там же. С. 190–191.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ См.: Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность транзитного общества: дискурс и нарратив. Санкт-Петербург: Алетейя, 2024. С. 225.

⁷ См. там же.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ См.: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. С. 29–157.

тия. Верится, что для русского ученого, на публикации которого мы хотим задержаться, оно сохраняет смысл, отличный от эпатажной экзальтации в стиле Ж.-Ж Руссо. Какой? Попробуем разобраться.

А. В. Поляков заявил о себе как видный ученый-юрист, концептуально обосновав коммуникативную природу/эйдос права и, соответственно, сугубую научность феноменолого-коммуникативного подхода, исходящего из представления о существовании права исключительно «здесь и теперь». Причем в решающей связи не с конкретными социальными фактами или абстрактными ценностями (как то: свобода, равенство, справедливость и т. д.), но с человеком — *homo communicatus* — субъектом правовой коммуникации. Характерной особенностью теории стало стремление утвердить ее *особый* онтологический статус (в сопряжении феноменология Э. Гуссерля и экзистенциализм М. Хайдеггера). Изначально проступало и желание автора избежать упреков в отрыве от национальной духовно-культурной традиции посредством отсылок к «интегральному правопониманию» и даже допущения *идеологического* плюрализма при «выявлении онтологического в праве». Однако до консолидации с приверженцами *иной* онтологии (на примере К. П. Победоносцева) дело не доходило¹, что, собственно, и намечало вектор идеологии *правильной и нужной*, хотя бы («до срока») не названной.

Обоснование конституционного правопонимания побудило нас к «мягкой» адресной критике указанных черт инновационной методологии как признаков ее аконституционности². И хотя доводы о критической «зыбкости» постклассического целеполагания *безосновного* права³ остались без ответа, «исповедь» позволяет предположить, что услышаны они были. Нарратив политико-правовой традиции Запада и ее восприятия в России предстает скорректированным данными «эмпирических наук о человеке», тезисами эволюционной эпистемологии и теории геннокультурной коэволюции⁴.

Предлагаемое обновление примечательно ориентацией на субъектов коммуникации, «сертифицированных» по идеологическому критерию. Они должны быть «окончательно» чуждыми практически несостоятельной идее «чистой» духовности. Впрочем, даже не они, а их мозг — этот персональный модератор информации, всегда остающийся «нейтральным, пустотным и пассивным», когнитивный референт современного человека и эквивалент его души⁵. При указанных предпосылках дискурсивное сопряжение материализма, дарвинизма и вестернизации всецело нейтрализует сомнения в генетическом примате биологического либерализма над биологическим консерватизмом. Намечен исторический переход от утилитарной морали гуманоидов и парохияльного альтруизма к «нейробиологическому праву» свободной эмансипированной личности. На деле — особи, которые «благополучно» изжили в себе религиозное чувство, мешающее «точно применять интеллект и рационально анализировать сообщения СМИ»⁶. Только либералы с им присущей, обусловленной «особенностями левополушарной активности мозга» «ментальностью западного типа» «воспринимают ложь как недопустимое средство даже в отношении «врагов», поскольку ложь унижает достоинство человека»⁷. И — главное — возвращенная способность «любви к себе» ведет к «ценностному признанию Другого *не на религиозной* (теистической) основе» (выделено нами. — **В. К.**)⁸.

По-видимому, А. В. Поляков *искренне верит* во все вышеизложенное. «Возможно, что где-то в этой области находится и разгадка духовности человека и его души», — проникновенно замечает он⁹. Между тем акторы приведенных гипотез и доводов давно известны (Ч. Дарвин, К. Поппер, К. Г. Юнг

¹ См.: Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 845 с. С. 278–283; 298–299.

² См., например: Крусс В. И. Конституционное правоупотребление и конституционное правопонимание // Проблемы понимания права: сборник научных статей. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 3. Саратов: Научная книга, 2007. С. 311–339.

³ См.: Крусс В. И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 19–35.

⁴ См.: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2023. С. 93–95.

⁵ См. там же. С. 110–111.

⁶ См. там же. С. 117–120.

⁷ См. там же. С. 123–124, 128.

⁸ Там же. С. 132–136.

⁹ См.: там же. С. 136.

и др.). Отсылки же к либеральной демагогии Ф. Фукуямы¹, чьи притязания на философский статус «безжалостно» окарикатурил XXI век, оставим без комментариев. На *относительную* новизну тем самым может претендовать только дискурсивное стремление автора подкрепить идеологическую исповедь (присягу?) авторитетом классиков отечественного правоведения, где и проявляется граничащая с искажением существа вопроса стратегия умолчания рационально-метафизического и религиозно-нравственного компонента как определяющего для российской философии права и *русского типа* философии. Как, по сути, отрицание уникальной эпистемологической цели прояснения *сообразности* (П. А. Бакунин) Бога и личности человека². Объем публикации не позволяет детализировать приемы этой стратегии, и мы ограничимся замечаниями о наследии И. А. Ильина.

На наш взгляд, А. В. Поляков критично редуцирует хрестоматийные идеи об автономном правосознании, примеряя их к *своему* (исповедуемому) идеалу демократического правопорядка, в котором — редкая конкретизация! — «ложь с экранов телевизоров будет считаться серьезным преступлением»³. *Опроверяемая* презумпция конституционности побуждает считать, что здесь подразумевается публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ). Однако аксиомы правосознания И. А. Ильина *необходимо* соотносить с его же аксиомами религиозного опыта. Духовно-метафизическая гносеология и антропология ведут философа к выводу, что «нормальное правосознание в своем зрелом осуществлении неизбежно приобретает *религиозный характер*, хотя этот характер может быть *осознан* им в большей или меньшей степени»⁴. В основе правосознания личности лежит «духовная воля» — божественный *дар* «освободить себя от всякого неприемлемого и отвергаемого воздействия как внутреннего, так и внешнего». Без чего — человеку и ученому — «невозможно ни узреть, ни раскрыть справедливое право»⁵.

Увлеченная искренность в постклассическом многоголосии — скорее, исключение. Не случайно предметом цитатной обработки сегодня все чаще оказываются не концепты и труды фигур масштаба М. Хайдеггера или Ю. Хабермарса, а адаптированные к реалиям XXI века их продолжения (*sequel*). Оставим «за скобками» домыслы о том, почему российские ученые «с рейтингом» не видят, например, в «метатеории» делиберативного конституционализма/демократии общепризнанные характеристики института политического участия в реалиях конституционного властвования⁶ или утверждают актуальность многоликого либерального консеквенциализма⁷ при наличии насыщенной линейки национальных исследований эффективности права и закона. Однако в современной ситуации «трудности диверсификации мировоззренческой основы»⁸ «исповедуемого» или «умалчиваемого» о праве от названной необходимости *не избавляют*.

¹ См.: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2023. С. 157. В сноске на этой странице А. В. Поляков изящно возвращается к манифестации идеологической нейтральности юридической эпистемологии, симметрично расставляя в пространстве диалогической философии права «правого» Ф. Фукуям и «левых» К. Маркса и Ф. Энгельса.

² См.: Ильин Н. П. Трагедия русской философии. Часть I. От личины к лицу. Введение в принципы историко-философского понимания. Санкт-Петербург, 2003. С. 144–145.

³ См.: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2023. С. 156.

⁴ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. Москва, 2003. С. 375.

⁵ См.: Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. О русском национализме: сборник статей. Москва: Российский Фонд Культуры, 2007. С. 142–146.

⁶ Ср., например, «звонкую» экспликацию в статье: Кравец И. А. Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии с сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции Российской Федерации в сравнительном аспекте) // Государство и право 2023. № 12. С. 48–58 и полную характеристику *тех же* вопросов в «непрофильной» работе Нарутто С. В., Смирнова В. А. Присяжные и арбитражные заседатели: теория и практика: монография / под ред. С. В. Нарутто. 2-е изд-во, испр. и доп. Москва: Проспект, 2024. С. 25–27.

⁷ См.: Колосов И. В. История правового консеквенциализма: результативность права: монография. Москва: Юрлитинформ, 2023. 224 с.

⁸ См.: Кравец И. А. Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 33–47.

По многим приметам, знаменитая сингулярность Р. Курцвейла наступит даже ранее экспоненциальных сроков его пророчеств. Вполне в духе «юридической эпистемологии» непосредственная коммутация «нашпигованного» нанороботами человека с интернетом станет залогом «безупречной», эффективной и всеохватывающей коммуникации каждого с каждым (избранными?). «При дверях» виртуальное «братство» на облачных сервисах с нейрокомпьютерным интерфейсом в контенте бесчисленных гиперссылок («глобального знания»). Продвинутой гуру предвидит и «многообещающую» техногенную мутацию самого человека, во всяком случае в отношении его мозга («расширенного сознания»), что многократно обогатит *homo sapiens* интеллектуально и эмоционально, делает его существом более высокого порядка (и, конечно, сексуальнее)¹. Было бы странно не услышать — со стороны Харибды — призывов к конституционализации и этого техногенного мора². Выводы специалистов, утверждающих, что динамичное развитие искусственного интеллекта неизбежно лишит человечество будущего и «единственный шанс выиграть эту игру — не играть в нее вовсе»³, — кажутся им архаичными.

В завершение отметим еще один раздел упомянутой монографии адептов постклассической методологии. Намерение обосновать приверженность трансцендентной перспективе того «опыта коммуникации», который *называется* правом, доверено здесь *студенту*. Молодости свойственно дерзать. Однако в отношении оксюморона такого целеполагания и ей пришлось положиться на «скорбь и меланхолию по утраченной и никогда не существовавшей справедливости»⁴. Получилось близко к знаменитому «Проселку» М. Хайдеггера. Пожелаем же будущему ученому-юристу «уверовать» в реальность текста национальной Конституции, «существующей» имманентно-трансцендентным образом посредством («для») духовно-солидарной коммуникации российского народа.

Кузнецов Александр Павлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России

Общественная опасность как объект уголовно-правовой науки

Введение в проблему. Уголовно-правовая наука как часть социально-гуманитарной науки получила свое развитие и признание. Она стала объектом не только специалистов — научных работников и практиков, но и широкого круга лиц, участвующих в реализации уголовной политики. В этих условиях возникает насущная потребность в определении ее роли и места в процессе социальных преобразований.

Состояние и реальная оценка уголовно-правовой науки должны проводиться по установлению влияния на социальные процессы, происходящие в обществе, особенно на практическую реализацию уголовно-правового противодействия преступности. В данном случае уголовно-правовая наука определяет стратегические и тактические этапы правотворчества, правоприменения уголовного закона, уголовной политики. Только постоянный мониторинг проводимых научных исследований законотворческой и правоприменительной практики позволит получить исходную информацию о возникающих как общих проблем в области уголовно-правовых отношений, так и частных, конкретизирующих те или иные аспекты уголовной политики.

В связи с происходящими коренными экономическими, политическими преобразованиями, определившими реформирование всех сторон жизнедеятельности страны, возросли роль и значение уголовно-правовой науки в исследовании общественного устройства, государственных

¹ См.: Диамандис П. Рей Курцвейл: К 2030 году наш разум будет загружен в Сеть. URL: <https://spacemorgue.com/ray-kurzweils-wildest-prediction/> (дата посещения: 05.05.2024).

² См.: Кравец И. А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 5–22.

³ Счастнев А. Ученый предупредил о риске краха человечества всего через два года. URL: https://pervoe.online/news/student-v-mire/45774-uchenyu_predupredil_o_riske_krakha_chelovechestva_vsego_cherez_dva_goda/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Боровцов И. В. Академическая свобода и демократическое действие: связь постклассической теории права и теории демократии // Постклассические исследования права. Санкт-Петербург, 2023. С. 319–330.